

Текст юбилейного слова Евгеньевой содержит краткие, но весьма ценные сведения, помогающие по-иному посмотреть на взаимоотношения Сологуба и А. Блока. Как писала М. М. Павлова, «сложившаяся еще в конце 1900-х годов в символизме и в русской поэзии той поры в целом дихотомия „Сологуб — Блок” была поводом рефлексии не только для Сологуба, ревниво относившегося к славе Блока, но и для современников».⁸⁵ По воспоминаниям Е. Я. Данько,⁸⁶ в последние годы жизни Сологуб давал весьма резкие характеристики А. Блоку и его поэзии.

Однако вне зависимости от личных отношений двух поэтов, смерть Блока была воспринята Сологубом и Чеботаревской как личная трагедия. Т. Н. Черносвитова⁸⁷ вспоминала: «А. Чеботаревская была потрясена смертью Блока, во время которой она была в Москве и даже говорила: „Не хочется возвращаться в Петербург без Блока — мертвый город!”»⁸⁸

В одном из черновых вариантов тезисов Евгеньевой имеется запись: «7 августа 21 год. Смерть Блока».⁸⁹ Комментарием к этой записи может служить эпизод, переданный Казанским по памяти, со слов Евгеньевой: 7 августа Евгеньева увидела Сологуба, идущего по полю, он был весь в слезах, когда она спросила, что случилось, писатель ответил печально: «Умер Блок».

Возможно, этот эпизод биографии Сологуба, рассказанный Евгеньевой и дошедший до нас в изложении Казанского, не является поводом к пересмотру сложившегося представления о взаимоотношениях двух поэтов. Однако он определенно добавляет несколько живых штрихов к портрету Сологуба.

Летом 1923 года писатель вместе с Т. Н. Чеботаревской в последний раз приезжал в усадьбу Княжино. Но воспоминания о времени, проведенном в Костроме, не оставляли его: летом 1927 года, прощаясь с жизнью, Сологуб вновь мысленно вернулся в Кострому в незавершенной миниатюре из «Тетради последнего лета».⁹⁰

⁸⁵ Павлова М. Проект антологии русской поэзии Федора Сологуба // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 362. Подробнее об отношении Сологуба к Блоку см.: Там же. С. 365.

⁸⁶ Данько Елена Яковлевна (1898—1942) — писательница, поэтесса и художница. См.: Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения // Лица: Биографической альманах / Ред.-сост. А. В. Лавров. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 190—261.

⁸⁷ Черносвитова Татьяна Николаевна (1898—1966) — племянница А. Н. Чеботаревской.

⁸⁸ Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко / Публ. М. М. Павловой // Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой / Сост. и науч. редакторы К. А. Кумпан и Е. Р. Обатнина. СПб., 2009. С. 494.

⁸⁹ Евгеньева А. П. «Мое слово».

⁹⁰ Сологуб Федор. Тетрадь последнего лета. С. 1015—1016.

**«ROSANOFF EST MORT — VIVE ROSANOFF...»
ПЕРЕПИСКА Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХА С А. А. ИЗМАЙЛОВЫМ
(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © А. С. АЛЕКСАНДРОВА)***

В 1919 году между критиком Александром Алексеевичем Измайловым (1873—1921) и искусствоведом Эрихом Федоровичем Голлербахом (1895—1942) завязывается непродолжительная, длившаяся всего несколько месяцев, но информативно насыщенная переписка.

* Публикация выполнена в рамках гранта: РГНФ-13—34-01201. Пользуясь случаем выражаю глубокую признательность Евгению Александровичу Голлербаху за внимание к моей работе и ценные замечания.

Их личная встреча произошла, по-видимому, в квартире В. В. Розанова за несколько лет до начала эпистолярного диалога, во второй половине 1910-х годов. Об этом есть беглое упоминание в посвященной философу монографии Голлербаха: «В те годы, когда я бывал у Розанова (1915—1917 года), Религиозно-философское общество уже не заглядывало на его „воскресения“ (день приемов). (...) Из писательской братии продолжали изредка бывать у него, если не ошибаюсь, — А. М. Ремизов, К. И. Чуковский, М. А. Кузмин, Н. О. Лернер, А. А. Измайлов и кое-кто из „правого лагеря“».¹

В 1919 году Голлербах стал автором первой монографии и целого ряда статей о знаменитом современнике, а в 1921 году инициировал создание при Доме литераторов посвященного его памяти кружка, участниками которого были А. Белый, А. Л. Вольнский, Е. П. Иванов, Н. О. Лернер, В. Р. Ховин, К. А. Эрберг и другие.² Переписка началась по инициативе искусствоведа, который обратил внимание на статью Измайлова о последних днях жизни Розанова с выдержками из писем «сергиевпосадского затворника» в «Вестнике литературы».³ «Живейший интерес» к философскому миру Розанова и его биографии⁴ и свел Голлербаха с Измайловым, автором многочисленных обзоров творчества Розанова. Отвечая на первое письмо своего корреспондента, Измайлов отметил: «То, что Вы любите В(асилия) В(асильевича) и то, как Вы воспринимаете его примирение в смерти, — уже скрепляет нас заочно дружбою, и наши руки тянутся к горячему пожатию через головы холодных, равнодушных, тупо не понимавших В(асилия) В(асильевича) или отлично его понимавших, но трусливо прятавшихся от него в сторонку, ч(то)б(ы) не оказаться в „дурном“ общ(ест)ве». Переписка Измайлова и Голлербаха во многом посвящена личности Розанова. Литераторы обсуждали его смерть, завещание, архив философа.

Измайлов был одним из немногих литераторов, с которыми Розанов поддерживал связь после переезда в конце августа 1917 года из Петрограда в восточную часть Сергиева Посада Красюковку, где поселился с семьей в доме бывшего ректора Вифанской духовной семинарии Андрея Андреевича Беляева. В это время, с осени 1917-го и практически до конца 1918 года, «испытывая голод и холод», Розанов публикует периодические сборники «Апокалипсис нашего времени», вызывая негодование многих прежних единомышленников. В одном из летних писем к Измайлову он признавался: «А от меня, кроме одного Флоренского и С. Н. Дурьилина, отвернулись, т. е. перестали вовсе здороваться, все „московские славянофилы“ из-за „Апокал(ипсиса)“, дорогой Александр Алексеевич!»⁵

В разгоревшейся в прессе полемике Измайлов встал на сторону писателя и опубликовал в газете «Петроградский голос» несколько заметок об «Апокалипсисе...». Среди них наиболее обстоятельная — «Закат ересиарха (В. В. Розанов и его «Апокалипсис»)». Измайлов дает высокую оценку дарованию Розанова и, в частности, присланному сдвоенному шестому и седьмому выпуску «Апокалипсиса»: «Без всякого сомнения, первый сейчас по углубленности, по еретической силе отрицания, по образности и своеобразию философский ум, Ересиарх. И после смерти Лес-

¹ Голлербах Э. Ф. В. В. Розанов: Жизнь и творчество // Голлербах Э. Ф. Встречи и впечатления / Сост., подг. текстов и комм. Е. А. Голлербаха. СПб., 1998. С. 89.

² См. об этом: «Пишите, пишите, но без „похвального слова“...»: [Анкета об отношении писателей Р. В. Иванова-Разумника, Б. Зайцева, Н. О. Лернера, Н. Н. Русова к творчеству В. В. Розанова] / Предисловие и публ. Л. Ильюниной // Наше наследие. 1989. № 6 (12). С. 61—63.

³ Измайлов А. А. Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. № 3. С. 4—5.

⁴ В 1930-е годы современники предупреждали Голлербаха о возможных последствиях в связи с его «убеждениями»: «Там мне всё вспоминались пророческие слова Чуковского (в ноябре 1932 г. в столовой Ленгублита в присутствии М(арии)): „Забудьте вы о Роз(анове), погубит Вас этот несчастный реакционер“» (Голлербах Э. Незабываемо: Записная книжка I: Самоотчет 1933 г. // Голлербах Э. Ф. Встречи и впечатления. С. 222).

⁵ Письмо В. В. Розанова к А. А. Измайлову // ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. № 280. Л. 62 об.

кова, никто так не годится на это амплуа, как он. Почти ницшеанские прозрения <...> Это „исповедь горячего сердца” по типу Мити Карамазова, — с лирикой, плачем, растерянными воззваниями к Богу, как с похмелья, — полурев, полурыкание и вот-вот полусшепот, полубормотание». ⁶ При деятельном участии Измайлова летом 1918 года Розанову удалось получить средства из Постоянной комиссии пособий нуждающимся литераторам при Академии наук и из Литературного фонда.

В письмах к философу во второй половине 1918 года Измайлов писал о новостях из Академической комиссии и Литературного фонда (в том числе о назначении Розанову пожизненной пенсии), интересовался судьбой «Апокалипсиса», сообщал о положении дел в журналистике, например, о массовом закрытии петербургских газет («бурж[уазной] печати нет и восстановл[ения] ее не видно»), ⁷ о личных обстоятельствах, а также о возможности издания собрания сочинений писателя и готовности вести такие переговоры от его имени. На все эти сообщения Розанов отвечал: «Конечно, конечно, милый и дорогой — ведите переговоры, — смело, свободно, *от себя* и как бы имея мою полную (формальную) доверенность. Сытин, Цетлин, Брокгауз. И мечта издать „Полное собрание сочинений Р-ва” (кто же от этого отказывается??!) была бы чудесна и избавила бы, выкупила и искупила, в этот ужасный год!!!» ⁸

Последнее письмо Розанова полно безнадежности и отчаяния, а «страшные, психозные» ⁹ ноты звучат в нем сильнее: «Нет, не алжирский лев перед Вами, умирающий от перепуга, а собака без папиросы («одно утешение», один Дух утешитель), и хватает собака за штаны доброго милого Ал. Алекс.» ¹⁰ Это письмо, по-видимому, написано за несколько дней, а может быть и часов, до инсульта, случившегося 24 ноября и приковавшего писателя к постели. Переписка оборвалась. Слухи о трагедии дошли до Петербурга. В начале 1919 года в первом выпуске журнала «Вестник литературы» появилась заметка Измайлова, где сообщалось о состоянии здоровья философа: «В. В. Розанов уединился в Сергиевом Посаде. Его „Апокалипсисов наших дней” вышло 9 выпусков. Последний конфискован и положил конец этим своеобразным фельетонам-пророчествам-оглядкам. Несколько статей его прошло в издании В. Ховина „Книжный угол”. Неожиданны его песни на старую тему о „неудавшемся христианстве”, но на новый лад... Последние сведения о его здоровье тревожны. В минувшем году он вкусил самой настоящей нужды». ¹¹

В январе Розанов надиктовал ряд «предсмертных» писем, обращенных к писателям-современникам, коллегам, друзьям. ¹² 5 февраля 1919 года философа не стало. На его смерть Измайлов отозвался некрологом, заявив, что Розанов «перестал быть человеком и стал *явлением*». ¹³

Эпистолярный диалог Измайлова и Голлербаха оборвался в ноябре 1919 года, по всей видимости, по инициативе Измайлова, переживавшего в это время духовный кризис и депрессию, вызванную, в том числе, тяжелым материальным поло-

⁶ Измайлов А. А. Закат ересиарха: (В. В. Розанов и его «Апокалипсис») // Петроградский голос. 1918. 30 июля. № 143. С. 2.

⁷ Письмо А. А. Измайлова к В. В. Розанову от 11 октября 1918 года // РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 467. Л. 9.

⁸ Письмо В. В. Розанова к А. А. Измайлову от 25 ноября 1918 года // ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. № 280. Л. 75 об.

⁹ Цит. по: В. В. Розанов: Pro et contra: (Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей) / Сост., вступ. статья и прим. В. А. Фатеева. СПб., 1995. Т. 2. С. 99 (сер. «Русский путь»). Впервые: Измайлов А. А. Закат ересиарха: († В. В. Розанов) // Творчество (Харьков). 1919. № 5/6.

¹⁰ Письмо В. В. Розанова к А. А. Измайлову // ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. № 280. Л. 61. Письмо написано на почтовой карточке, не датировано. Дата на штемпеле: 25 ноября 1919 года.

¹¹ Измайлов А. А. Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. № 1/2. С. 8.

¹² См.: Розанов В. Письма 1917—1919 годов / Вступ. статья, публ., прим. Е. В. Ивановой // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. С. 70—88.

¹³ Измайлов А. А. Закат ересиарха. С. 91.

жением. Впрочем, общение не прекратилось, и корреспонденты несколько раз встречались у общих знакомых. Об одной из таких встреч искусствовед упомянул в некрологе «Памяти А. А. Измайлова»: «Вспоминается мне последняя встреча с ним совсем недавно у В. Н. Сперанского, его тихий, ласковый, немножко по-семинарски „окающий” говор, улыбка с оттенками застенчивости и печали, короткая, одними кистями рук, жестикуляция».¹⁴

После смерти Измайлова 15 марта 1921 года Голлербах проявил интерес к сохранившимся в его архиве письмам Розанова и собирался даже подготовить их к печати. Алексей Алексеевич Измайлов, брат критика и его наследник, был готов предоставить материалы для публикации, однако «ознакомившись ближе с содержанием писем, изменил свое решение», как он сообщил в письме, «по соображениям чисто морального свойства».¹⁵

Письма Голлербаха воспроизводятся по автографам ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. № 93); письма Измайлова — НИОР РГБ (Ф. 453. № 29). «Открытое письмо» Голлербаха печатается по автографу, сохранившемуся в архиве А. М. Ремизова (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. № 8). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохранением значимых особенностей авторского стиля.

¹⁴ Голлербах Э. Ф. Памяти А. А. Измайлова // Голлербах Э. Ф. Встречи и впечатления. С. 100. Некролог был опубликован в «Вестнике литературы» (1921. № 4—5 (28—29). С. 13). Отметим, что в нем впервые были представлены письма Измайлова к Голлербаху.

¹⁵ Письмо Алексея Алексеевича Измайлова к Э. Ф. Голлербаху от 9 ноября 1921 года // РГБ. Ф. 453. Карт. 1. № 30. Л. 3.

1

Э. Ф. Голлербах — А. А. Измайлову

13: III. <19>19

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

В. Н. Сперанский¹ сообщил мне, что в «Известиях (или Вестнике?) Общества литераторов и ученых» появится Ваша статья о покойном В. В. Розанове.² Не откажите прислать мне этот номер, — когда он выйдет, или благоволите указать адрес редакции.

Известна ли Вам моя недавно вышедшая книжка о Василии Васильевиче?³

Если нет, я пришлю Вам ее.

Знаете ли Вы, как умер В(асилий) В(асильевич)?

Кончина его была чудесная, светлая, радостная, — сплошная осанна Христу.⁴ В нем произошло великое перерождение. Сознание, что он умер легко и радостно (он, так мучительно боявшийся смерти), — единственное утешение для меня, связанного с В(асилием) В(асильевичем) безграничной любовью и дружбой.

Пожалуйста, исполните мою просьбу, буду весьма признателен.

Э. Голлербах.

Детское Село (б. Царское Село), Пешковская, 27.

¹ Сперанский Валентин Николаевич (1877—1957) — правовед и историк философии, преподавал в Петербургском университете, Психоневрологическом институте и в других учебных заведениях. После 1917 года был одним из руководителей Общества взаимопомощи литераторов и ученых. См. о нем: Голлербах Э. Ф. Встречи и впечатления. С. 461.

² Эта статья, посвященная последним дням жизни Розанова, с выдержками из его писем к искусствоведу, появилась в рубрике «Что делается в литературе» (Вестник литературы. 1919.

№ 3. С. 4—5); см. также в той же рубрике в предыдущем номере: *Измайлов А. А.* Что делается в литературе // *Вестник литературы.* 1919. № 1/2. С. 8.

³ Речь идет о первой монографии о Розанове. Первоначально печаталась в журнале «Вешние воды» (1918), после закрытия которого была издана отдельной книгой: *Голлербах Э. Ф.* В. В. Розанов: Личность и творчество. Пг., 1918. См. комментированное переиздание: *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. С. 39—93.

⁴ Эти сведения исходили от Надежды Васильевны Розановой (Верещагиной, Соколовой, 1900—1958). См., например, ее письмо к Голлербаху от 2 мая 1919 года в собрании М. С. Лесмана: *Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог / Сост. М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захарченко, Л. П. Архипова, А. Х. Горфункель, Р. П. Дмитриева, Т. Р. Руди.* М., 1989. С. 292.

2

А. А. Измайлов — Э. Ф. Голлербаху

Простите, — не знаю Вашего имени-отчества.

Я действительно имею поручение дать *несколько строк* о В(асилии) В(асильевиче) и — предпочел уклониться от этого.¹ Писать надо было оглядываясь и направо, и налево, и чуть ли не еще куда-то, — судите, что можно в таком случае написать! И я сказал, что готов написать о Р(озанове) книгу, готов написать статью, но 30 строк и в нынешний момент — не могу и не умею.

К стыду моему, не читал Вашей книги, и буду искр(енне) Вам благодарен, если бы создалась возможность получить от Вас ее. То, что Вы любите В(асилия) В(асильевича), и то, как Вы воспринимаете его примирение в смерти, — уже скрепляет нас заочно дружбою, и наши руки тянутся к горячему пожатию через головы холодных, равнодушных, тупо не понимавших В(асилия) В(асильевича) или отлично его понимавших, но трусливо прятавшихся от него в сторонку, ч(то)б(ы) не оказаться в «дурном» общ(ест)ве.

Сегодня перебирал письма В(асилия) В(асильевича)² и — подмывает мысль написать о нем если не книгу, то хоть хорошую статью — воспоминательно-портретного типа. Какие ласковые, какие дружеские письма, какая исключительная интимность во многих признаниях, в особ(енности) в последние месяцы! *Это* будет интересно даже чужим ему. Уже сейчас мертвая тень Розанова представляется огромной по сравнению с тем, как его видели живого. Удел его — расти, иным малиться.³

Искренне был бы рад встрече с человеком, к(оторый) любил Розанова. Кажется, нам трудно не понравиться друг другу при этом условии.

С искренним уважением А. Измайлов. 16/III. <1919>

На личном бланке.

¹ Несколько статей о Розанове Измайлов все-таки опубликует (см. прим. 2 к п. 1).

² Письма Розанова к Измайлову сохранились в архиве критика в ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. № 280). Письмо Розанова к Измайлову от 13 марта 1917 года — в РГАЛИ (Ф. 419. Оп. 1. № 276. Л. 1). Отдельные письма Розанова к Измайлову опубликованы (Письма В. Розанова к Измайлову (1909—1918) / Публ. Д. Перчонка // *Новый журнал.* 1979. Кн. 136. С. 121—126). Данная выборочная публикация со значительными купюрами, неверными датировками и неточностями осуществлена не по автографам, а по «архиву А. Аронсона» (с. 121). Переписку Розанова и Измайлова 1918 года см.: В. В. Розанов и А. А. Измайлов после октября 1917 г.: По архивным материалам / Публ. А. С. Александрова // *Наше наследие.* 2015. № 2 (в печати).

³ Ин. 3: 30.

3

Э. Ф. Голлербах — А. А. Измайлову

23. III. <19>19

Посылаю Вам, Александр Алексеевич, мою брошюру о В. В. Розанове, весьма несовершенно исследование о нашем общем друге. Мне говорили, что она распродана, но у меня осталось еще два экземпляра, один из которых и прошу Вас принять. На скверную репродукцию моего портрета не следует обращать внимания, — это неуместная затея издателя.¹

...Вы правы, что мертвая тень Розанова уже сейчас — больше его прежней, прижизненной величины. И она будет расти, только не всем виден будет этот рост. Rosanoff est mort — vive Rosanoff!²

Жду с нетерпением, когда младшая дочь³ В<асилия> В<асильевича> исполнит свое обещание — прислать мне то, что было продиктовано В<асилием> В<асильевичем> в дни болезни, в предчувствии смерти. Не сомневаюсь ни на минуту, что увижу воочию, как «уменьем умирать душа облагорожена» (Ал. Блок).⁴

Знаю, что в моей статье кое-чего не хватает для полной характеристики В<асилия> В<асильевича>, есть и лишнее (особенно в примечаниях). Жаль, что не пришлось поместить в приложении некоторых очень интересных писем по цензурным соображениям. После того, как книжка вышла в свет, я получил еще десять писем от В<асилия> В<асильевича>, в которых есть много ценного и важного, как в биографическом, так и в философском отношении. Таким образом, в книжку не вошли самые существенные письма.

Никогда еще не писал В<асилий> В<асильевич> таких горячих, искренних, взволнованных исповедей, как осенью минувшего года. Вся его многотуманная, многообразная душа, усталая и страдающая, вылилась в этих последних письмах. Не знаю, появятся ли они когда-либо в печати и нужно ли их печатать.⁵

Когда получили Вы последнее письмо от В<асилия> В<асильевича>? — Мне он писал в последний раз 26 октября прошлого года. Письмо кончается словами: «Устал. Прощайте В. Р.». Об усталости В<асилий> В<асильевич> писал и раньше, но «прощайте» встречается впервые в этом 32-ом и последнем письме, — и оно оказалось пророческим.⁶

...Вы знаете, существуют инфракрасные и ультрафиолетовые лучи. В них есть нечто «трансцендентное», в том смысле, что они недоступны непосредственному восприятию. Между тем, первые обладают значительным тепловым действием, вторые сильно действуют химически. Ни те ни другие невидимы человеческим глазам.

Розанов был светилом, излучавшим именно такой незримый свет. Лучи его грели только нас, немногих, и влияли на нас «химически». Его книги поистине астрономия невидимого. Глазные нервы обывателей нечувствительны к свету Розанова, к его инфракрасным и ультрафиолетовым лучам.

Настоящих читателей у него даже не сотни, а всего десятки. Зато тысячи хулителей и клеветников. Но верю: образ В<асилия> В<асильевича>, его думы, заветы и чаяния не могут умереть. Верю и в то, что «где-то есть не наша связь, а лучезарное слиянье» (Ин. Анненский).⁷ Мы, связанные с В<асилием> В<асильевичем> духовным родством и бережной любовью, дождемся этого слияния, когда придет наш час, когда надвинется последняя усталость.

Я написал небольшой некролог о В<асилии> В<асильевиче>. Напечатать его, разумеется, нигде.⁸ Сейчас он находится у В. Н. Сперанского, когда он вернет мне

его, я пришлю Вам, если угодно. Хотел бы повидаться с Вами (предупреждаю только, что я плохой собеседник) и был бы рад, если бы Вы собрались ко мне в Царское. Лучше всего в воскресенье или в четверг, с поездом 1 ч. 10 м. из Петрограда. Я встречу Вас на вокзале, и покажу, если пожелаете, Царскосельские Дворцы-Музеи. Могу провести Вас в недоступные публике личные апартаменты Н(иколая) II и его супруги. Прошлым летом В. К. Лукомский и я занимались изучением и описью этих помещений со всем их любопытным содержимым.⁹

Остальную часть дня проведем у меня. О приезде предупредите меня письмом (за два-три дня). Желаю всего доброго и жду ответа.

Э. Голлербах.

Р. С. Я хотел бы прочесть все, что когда-либо было написано Вами о Розанове, — помню, была Ваша заметка в «Бирж(евых) Вед(омостях)».¹⁰ Если она сохранилась у Вас, пришлите мне ее на время.

Э. Г.

¹ Спасовский Михаил Михайлович (1890—1971) — публицист, биограф, редактор и издатель журнала «Вешние воды».

² Розанов умер — да здравствует Розанов! Перефразирован знаменитый девиз «Le roi est mort — vive le roi!» (Король умер — да здравствует король! (*фр.*)).

³ Надежда Васильевна Розанова (1900—1956).

⁴ Цитируется стихотворение А. Блока «По улицам метель метет...» (1907).

⁵ Голлербаху удалось воплотить свой замысел. Впервые: Письма В. В. Розанова к Э. Голлербаху. Берлин, 1922. Девять писем Розанова к Голлербаху опубликованы в книге последнего «В. В. Розанов: Личность и творчество». Письма Розанова к Голлербаху вошли в 17-й том собрания сочинений философа (2004).

⁶ См.: Письма В. В. Розанова Э. Голлербаху / Подг. текста, публ. и комм. Е. Голлербаха // Звезда. 1993. № 8. С. 124—127.

⁷ Цитируется стихотворение И. Анненского «Аметисты» («Когда, сжигая синеву...»).

⁸ Подразумевается статья: Голлербах Э. Ф. Памяти Розанова (1856—1919) // Жизнь искусства. 1919. 27 марта. № 105. С. 3.

⁹ Лукомский Владислав Крескентьевич (1882—1946) — историк, геральдист и генеалог. В 1917—1918 годах участвовал в Царскосельской (Детскосельской) художественно-исторической комиссии, которая занималась регистрацией и охраной памятников и предметов искусства в Царском Селе. См: Голлербах Э. Ф. 1) Художественные ценности в бывших особняках Детского Села // Северная коммуна (Петроград). 1919. 9 апр. № 78 (271). С. 4; 2) Охрана предметов искусства в Детском Селе // Жизнь искусства. 1920. 10—12 дек. № 628/630. С. 2, и др.

¹⁰ Измайлов написал свыше десяти статей, заметок, рецензий о книгах Розанова. См.: Ломоносов А. В. Измайлов Александр Алексеевич // Розановская энциклопедия / Сост. А. Н. Николюкин. М., 2008. С. 420—425.

4

А. А. Измайлов — Э. Ф. Голлербаху

26/III 1919

Искренне уважаемый Эрих Федорович,

Очень-очень благодарю Вас за Вашу книжечку. Чувствую, как она полна интереса и как живо сделана. Живу, к сожалению, в такой суете эти дни, что не мог еще заняться ею.

Благодарю и за ласковый зов. Рад бы им воспользоваться, если бы полегчало с делами, с голодом и с передвижением. В. Н. Сперанский с таким одушевлением передавал мне свои впечатления о н(екролог)е, каким Вам обязан. Это увлекательно.

Простите лаконичность моего письма: пишу не дома, в холоде, на тычке. По 48 часов не бываю дома и ночую, как бедуин, каждую ночь на новом месте.¹ Жестко слово, но стало правдой: первые стали последними.²

Искренне Ваш

А. Измайлов.

На бланке газеты «Петроградский голос».

¹ В 1919—1920 годах Измайлов существовал на случайные заработки. Некоторые свидетельства об этом периоде его жизни сохранились в воспоминаниях В. Ф. Боцяновского: «С прекращением этого издания («Петроградского голоса». — А. А.), после Октябрьской революции Измайлов посвятил себя культурно-просветительской работе. В качестве лектора он прочитал не менее 1000 лекций перед киносеансами на литературно-общественные темы. Руководил литературным кружком в одном из клубов Балтфлота и вел занятия с группой курсантов по обучению технике газетного дела в Институте журнализма. Всю свою жизнь Измайлов жил исключительно литературными трудами. В последние годы жизни (1918—1921) его обеспечением был паек, который он получал из Кубуч'а и Балтфлота, и заработок его до революции, сколько мне известно, был от 15 до 20 тыс. рублей в год» (Боцяновский В. Ф. А. А. Измайлов: Заметка: Черновая рукопись // ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 37. Л. 4—4 об. Цит. по: Воспоминания В. Ф. Боцяновского о Федоре Сологубе, Евтихии Карпове, Александре Измайлове / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2012. № 3. С. 187—188). Кубуч (КУБУ) — Комиссия по улучшению быта ученых, созданная в 1920 году при Доме ученых (Миллионная ул., 27) и призванная осуществлять его основные задачи (улучшение быта ученых и распределение академических пайков). В состав Петроградский КУБУ, председателем которой был М. Горький, входили С. Ф. Ольденбург, Н. А. Котляревский, И. И. Манухин, А. Е. Ферсман, М. П. Кристи и др.

² Мф. 19: 30.

5

А. А. Измайлов — Э. Ф. Голлербаху

Многоуважаемый Эрих Федорович,

Очень благодарю Вас за возможность познакомиться с Вашей интересной статьей.¹ Если Вы хотите моего мнения, я бы сказал, что она — более беседа в кругу знавших и любивших покойного, чем литературный портрет. Отсюда в ней то тепло, к(ото)рое располагает и к тому, о ком пишут, и к тому, кто пишет, но это — мало чем литер(атурный) портрет, и в этой ст(атье), м(ожет) б(ыть), не лишне было бы ввести еще нечто, в дополнение характеристики, для обрисовки тех сторон, какие были в В(асилии) В(асильев)иче замечательны, — вовсе здесь не тронуты.

Простите, что избрал такой способ возврата Вам рукописи: живу один, невозможно вырваться на почту: изнемогаю от физич(еских) утомлений.

Искр(енне) Вас уважающий А. И.

Апрель — начало мая 1919 года.

¹ Голлербах Э. Ф. Памяти Розанова // Жизнь искусства. 1919. 27 марта. № 105.

6

Э. Ф. Голлербах — А. А. Измайлову

10. V. <19>19

Только что получил из Сергиева Посада (от Над(ежды) Вас(ильевны) Розановой) пакет с документами — письмами, завещаниями, записками, относящимися к последним дням единственного, незабвенного В(асилия) В(асильевича).¹ Матери-

ал огромной важности, глубоко содержательный. Многое получает новое освещение, отпадают некоторые легенды и т. д. Кое-что я считаю возможным и даже должным предложить вниманию тех, кто знал и ценил В(асилия) В(асильевича). Таким людям, как Вы, нужно все знать о В(асилии) В(асильевиче), ясно ощущать его. Он здесь, рядом, он не умер. Если хотите, условимся, назначьте вечер, — может быть, у меня?

«Клейкие весенние листочки, голубое небо», о которых говорил Иван Караматов, здесь уже на лицо (sic!). «Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь...»² Ничего этого нет на вашем Васильевском Острове, уверяю Вас.

Э. Голлербах

Статьи Ваши не затерял, не бойтесь, верну при случае или пришлю вскоре. Они очень хороши, внимательны, участливы, словом, Ваше перо.

Э. Г.

¹ Эти материалы сохранились в архиве М. С. Лесмана. См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. С.185—186.

² См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 14. С. 210.

7

А. А. Измайлов — Э. Ф. Голлербаху

15. V. <1919>

Необычайно интересно то, о чем Вы говорите. Очень благодарю Вас за то, что Вы готовы разделить со мной наваждение ознакомления с тем, что было *интимное* и *тайное* у ч(елове)ка, к(оторого) мы оба любили. Увы! — я сейчас лишаю себя возм(ожности) отлучаться на целый день: со вчерашн(его) дня, прижимаемый нуждой, д(олжен) б(ыл) взять служеб(ное) место, соверш(енно) частное, соверш(енно) не по моей спец(иальности) — вроде забивания гвоздей головой. Голова не для того создавалась, но — видно, ни от чего отказываться не приход(ится) в это(м) лучшем из миров.¹

Сказать вам, — будьте ласковы, привезите, посетите — не смею. Знаю, что и Вам это одинак(ово) было бы трудно. Отказаться от такой радости тоже — жутко. Не знаю, что и сказать. 4 дня в неделю относительно я буду вечером свободен. Три отсутствовать. Сейчас, впрочем, по воскресеньям — снят с места.

Встретил Мережк(овского) — говорит, получил письмо от доч(ери) В(асилия) В(асильевича) с р(аска)зом (страшно интересным) о его послед(них) днях и дне: Последних *слов* нет.² — От ред(актора) «Вестника литер(атуры)» слышал, ч(то) в очеред(ном) № будет одно из послед(них) писем Роз(анова) к кому-то из литер(атурных) собратий.³ — Вчера вручил свою статью (большую) Горнфельду о Роз(анове) для харьк(овского) ж(урнала) *Творчество*.⁴ Рад буду, если пройдет. Но Харьков, но почта, но условия печати, но колебание почвы под самим журналом!..

Сердечный привет.

На личном бланке.

¹ Неточная цитата из повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759).

² Подразумевается письмо Н. В. Розановой к Д. С. Мережковскому о последних часах жизни и о смерти Розанова. Подобные письма были направлены и другим писателям — М. Горькому, В. А. Садовскому, А. А. Блоку, П. П. Перцову. О последних годах жизни Розанова, а также письмо Н. В. Розановой П. П. Перцову см.: Розанов В. Письма 1917—1919 годов. См. также: *Голлербах Э. Ф.* 1) Из предсмертных писем В. В. Розанова // Вестник литературы. 1919. № 8. С. 13—14; 2) Письма В. В. Розанова // Накануне (Берлин). 1922. 1 апр. № 6. С. 5.

³ См.: Голлербах Э. Ф. Посмертное письмо В. В. Розанова // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 8—9.

⁴ Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) — литературовед, критик, переводчик, публицист. Активно сотрудничал в харьковском журнале «Творчество». Подразумевается статья: Измайлов А. А. Закат ересиарха // Творчество. 1919. № 5/6. С. 27—30.

8

Э. Ф. Голлербах — А. А. Измайлову

27. VI. <19>19

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Возвращаю с благодарностью Ваши превосходные статьи о В(асилии) В(асильевиче). Вот видите, — вы напрасно опасались мне дать эти вырезки, я не «зачитал» их, несмотря на великое искушение.

На днях совершил нечаянную нескромность — прочитал с живейшим интересом Ваше пространное (на шести страницах) письмо к А. Ф. Кони по поводу стихов одного молодого поэта, имени коего Вы осторожно не упоминаете.¹ По-моему, Вы очень снисходительны в оценке его творчества. Правда, юноша был даровит, но вероятно захвално льстивыми родственниками и друзьями, видевшими в нем второго К. Р., если не больше. К числу таких усердных восхвалителей принадлежал и А. Ф. Кони. — Мне думается, что на Руси всегда было некоторое количество хорошо воспитанных и довольно способных офицериков, любивших «злодейские стишки». Обилие сладких и нежных слов в творчестве юного (ныне, может быть, покойного) баловня судьбы, едва ли искупает обычную гусарскую фатоватость, пошлость и «легкость в мыслях».²

Я потерял уже всякое чаяние увидеть Вас в Царском, что очень грустно. Не можете ли Вы охарактеризовать в двух словах М. А. Кузмина и Ю. Юркуна, как писателей?³ Произведения первого мне давно отлично известны и хочется только услышать Ваше решительное суждение, а второго совсем не знаю, но интересуюсь им ввиду какой-то странной его близости к Кузмину.

Душевно преданный Вам

Э. Голлербах

Р. S. Маленькая поправка к одной из Ваших статей: «О понимании» писалось не три года, а целых пять лет.⁴

¹ Подразумевается Владимир Павлович Палей (1897—1918), сын великого князя Павла Александровича от его морганатического брака с Ольгой Валерьяновной Пистолькорс (урожденной Карнович); поручик Лейб-гвардии Гусарского полка, поэт. В ночь на 5 июля 1918 года был убит большевиками (сброшен в шахту Новая Селимская в 18 км от Алапаевска). Упоминаемое письмо А. А. Измайлова к А. Ф. Кони сохранилось (ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. № 2256. Л. 1—3 об.). Его публикацию и историю создания см.: Александров А. С. О первом отзыве на стихотворения Владимира Палея: (По архивным материалам) // Наше наследие. 2011. № 4. С. 98—105.

² «Легкость необыкновенная в мыслях» — реплика Хлестакова в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (действ. 3, явл. 6).

³ Юркун Юрий Иванович (наст. имя Иосиф Юркунас; 1895—1938) — прозаик, драматург, художник-график, интимный друг М. А. Кузмина (1872—1936).

⁴ «О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1886) — капитальный труд В. В. Розанова. Голлербах делает поправку к статье: Аякс. В. В. Розанов: (К 30-летнему юбилею: 1882—1912 гг.) // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 21 нояб. № 13260. С. 5—6. Аякс — псевдоним Измайлова, однако автором является сам Розанов, см. его просьбу о публикации (РГБ. Ф. 249. Карт. 9. № 33).

9

А. А. Измайлов — Э. Ф. Голлербаху

8 сент⟨ября⟩ ⟨1919⟩

Я давно должник Вам, многоуважаемый Эрих Федорович, — и не отвечал и не благодарил. Являясь одной прислугой у себя, распыляешься совершенно. Духовную жизнь едва теплишь, пытаюсь читать, идя по улице. Близко превращение в полное быдло, помышляющее только о еде.

Благодарю Вас за книжечку стихов,¹ за письма. Это как бы вести из какого-то иного мира. И вам, по-видимому, еще доступны некоторые «веселости» мира, от коих я уже отвык (писание стихов, их издание). Дай Вам Бог подольше сохранить это.

«Открытое письмо» одновременно возвращаю в другом конверте. Я позволил себе пометить красн⟨ыми⟩ точками то, что, по-моему, выдвинуто преувеличено-вызывающе. Принадлежит к большим почитателям В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ Р⟨озанова⟩, я бы все-таки так не написал. Вообще — позвольте быть откровенным — я бы не выступил с таким письмом-воззванием. Творить памятник Р⟨озанову⟩ нужно, но самим делом. Пишите восп⟨оминания⟩ о нем, книгу о нем, затевайте альманах, сводные мемуары, — это действеннее и ближе к цели, чем воззвания, и не только по нашему растерзанному времени, когда никому нет заботы о Фил⟨ософском⟩ Собр⟨ании⟩, а и не по тому, что придет следом за этим.

Два слова о Палее. Кони обратился ко мне, я писал искренно, и сейчас думаю, что для 18 лет, к⟨а⟩к мне тогда говорили, стихи были решительно обещающими. С автором я не был знаком и огородил себя от знакомства. В этих кругах я всего менее искал. Если бы тут завязались «отношения», был бы только неприятно сконфужен, до такой степени будучи им не свой. Все это говорю к тому, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ сказать, что в отзыве в ту минуту, когда писал его, был искренен. Может быть, сейчас прочтя, почувствовал бы, что и Вы. Не знаю. Забыл.

Соблазнительно бы быть у Вас в Царском, но сейчас и думать не могу. Живешь — день да ночь, сутки прочь, в усталости, суете и пыли, от к⟨ото⟩рой некогда стяхнуться.

Ваш А. Изм⟨айлов⟩
8 Сент⟨ября⟩

¹ Голлербах Э. Ф. Чары и таинства: Тетрадь посвящений. Пб., 1919. См. указанный экземпляр: РНБ. Ф. 309. № 36.

10

Э. Ф. Голлербах — А. А. Измайлову

12. IX. ⟨19⟩19

Дорогой Александр Алексеевич, мне очень совестно, что я своими письмами вынуждаю (отчасти) Вас, усталого и занятого, отвечать мне. Но едва ли я смогу отделаться от желания писать Вам хотя бы изредка. Меня связывают с Вами непреодолимые «токи» симпатии, еще с тех дней моей ранней юности, когда я почти плакал над Вашими страницами о Чехове.¹ С тех пор Чехов и Вы связались в моем представлении воедино. Вообще, когда думаю о Вас или просто вспоминаю Ваше имя, на меня веет ароматом *настоящей*, не фальсифицированной, Литературы (с большой буквы), веет чем-то безгранично дорогим и милым. Поверите ли Вы,

что немец (хоть немцем я себя не считаю и даже плохо владею немецким языком) может любить русскую литературу «больше всего на свете». Это так, уверяю Вас.

Милый Александр Алексеевич, неужели *все* сгинуло безвозвратно? Подумайте, *Вы говорили некогда о литературном безвременьи*.² По моему глубокому убеждению, никакого безвременья не было. Беллетристика потеряла Чехова, философия — Вл. Соловьева, догорал (как художник) Л. Толстой, но ведь какой ослепительной кометой ворвался и расцвел Розанов. А разве Андреев, Куприн, Сологуб, Зайцев, Мережковский, Гиппиус не *большие, не сильные* люди? Может быть, не сильные, но большие, наверное.

Полагаю, что Вы клеветеете на себя, уверяя, что «едва теплите» духовную жизнь. Знаю по опыту, как нудно и тяжело влачить теперь существование, и сочувствую. Но неугасима, неистребима духовная жизнь. Тлеет под пеплом. Мы только временно принуждены унести «зажженные светы в катакомбы, в пустыни, в пещеры»...³

«Веселостей» я не знаю, напротив, в последнее время сплошь живу в тревогах и огорчениях. Вы справедливо осуждаете меня за «Открытое письмо» о Розанове. Я легко впадаю в ошибки и сознаю их всегда с опозданием. О бедном П(алее) я написал поэтому, что он блистательно опроверг свое дарование второю книгой стихов, почти сплошь неудачной.⁴ Я и не думал намекать на «искательство» с Вашей стороны, и если Вам показалось так, простите великодушно.

Жалею, что не можете собраться ко мне, был бы рад Вам очень; ко мне можно с ночевкой и вообще без церемоний.

Отчего Вы не браните меня за стихи? Я был бы только благодарен, если бы Вы написали мне, что они плохи.

Искренно преданный Вам

Э. Голлербах

Детское Село,
Пешковская, 27

¹ Измайлов А. А. Чехов: 1860—1904: Биографический набросок. М., 1916.

² В конце 1900-х — начале 1910-х годов Измайлов написал ряд критических статей, называя этот период «литературным безвременьем». В 1913 году вышел сборник «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» со статьями о Д. С. Мережковском, К. Д. Бальмонте, А. А. Блоке, М. П. Арцыбашеве, А. В. Амфитеатрове, И. А. Бунине, А. Н. Будищеве, Вяч. И. Иванове, З. Н. Гиппиус, Е. Н. Чирикове, А. М. Ремизове, В. В. Вересаеве.

³ Цитируется стихотворение В. Я. Брюсова «Грядущие гунны» («Где вы, грядущие гунны...»).

⁴ См. сборники: *Палей В. П.*: 1) Стихотворения. Пг., 1916; 2) Стихотворения: Сборник 2-ой. Пг., 1918.

11

А. А. Измайлов — Э. Ф. Голлербаху

30/X. (1919)

Дорогой Эрих Федорович,

Благодарю за греющее письмо, благодарю за Ваши «Опавшие листья».¹

Вот это нравится мне несравнимо больше стихов. Не обидьтесь, п(отому) ч(то) я говорю не о Ваших стихах, а вообще о стихах. Покаюсь и удивлю Вас, — с годами устоялось какое-то странное в душе отношение к стихам и стихотворчеству. Да, Пушкины, Лермонтовы — это где-то на своем месте стоит, как великое, неизбежное и нужное для жизни. А рядом — *наши* стихи, Бальмонты, Ваши, мои. Это

что-то слишком *для себя*, для своих, чего бы собственно не следовало печатать для всех. Легкий и мимолетный жанр, что-то дополнительное к чему-то, не пища, а соус к пище, м(ожет) б(ыть) и очень приятный, но не существенно нужный. Раз, в 40 лет, я спросил себя (и через неск(олько) лет спросите себя Вы), что, если бы старый любимый учитель, встретя меня, спросил через 25—30 лет после разлучения, «а что же Вы делаете?» — и я должен был бы ответить «пишу стихи». И я почувствовал, как было бы стыдно сказать это. Не буду пояснять. Продумайте это сами и почувствуйте. А не почувствуете, — значит, Вам надо еще выждать годков пять.

В этом ощущении, думается, нет ничего от толстовской рисовки, но есть нечто от чеховского просто-реального уважения к жизни.

Мысли, чувства, веяния проносятся в уме и так запечатлеваемы, как научил нас Розанов, — это оч(ень) хорошо, ибо так просто, честно, чуждо литературничанья. Не слишком ли уж упрощено в смысле литер(атурной) формы? Но время оправдывает это упрощение. И многое у Вас поистине прекрасно, глубоко, честно и нужно. *Пока* надо забрасывать так свои думы на бумагу. После разберемся. Между нами я тоже это делаю. У Вас это иногда выходит с интимностью Вашего учителя. И даже с его словесною красотой. Посылаю вам из своей наблюдательской ложи — *habet!*² Но именно с таким разбором печатайте, как поступили. Ибо написанного и подмеченного, вероятно, много больше.

О музык(альных) наблюдениях Ваших думаю, и у Вас против меня как бы больше одним органом восприятия. Я здесь неуч и младенец.

За все ласковое о себе спасибо. Едва ли стою. Но искренности Вашей верю и целую ее.

О «безвремении» не из упрямства позволю себе отстаивать встаре сказанное в самой резкой форме. О, как я опечален всею судьбой, всем устремлением нашей литературы. Какое злое разрушительное дело она делала! Как страшно звучал над моим ухом все оплевавший, все швырнувший в грязь хохот Салтыкова. Мучеником и подвижником стоит Гоголь, понявший, какое злое дело сделал в свою меру и гигантскую силу, и как он каялся, и как он бессильно пытался на стертом фоне Кувшинного Рыла нарисовать улыбку!³ Но все это тема *целой жизни*, даже не десятка фельетонов. Сумеет ли мы это вскоре понять и взять отсюда урок, — не знаю. Может быть, и ничему не научимся!..

Крепко жму вашу руку.

Вы пережили ужасы. Но я нарочно отвлекаюсь от всего этого — в воздух мира и свободы.

¹ Голлербах Э. Ф. В зареве Логоса: Спорады и фрагменты. Пг., 1920. Книга Голлербаха, по-видимому, по своей структуре и характеру напомнила Измайлову розановские «Опавшие листья».

² «Нос *habet*» — восклицание римских зрителей на гладиаторских боях, при получении гладиатором смертельного ранения.

³ В данном случае Измайлов разделяет позицию Розанова, который неоднократно негативно высказывался о сатирическом направлении русской литературы, представленном именами Гоголя, Салтыкова-Щедрина. Например, в статье «Величайший мастер слова» он отмечал: «В сущности, везде Гоголь рисует анекдот и „приключение“, даже в „великой русской поэме“ своей («Мертвых душах»); за черту передачи „бывшего случая“, т. е. совершенных *по сюжету* пустяков, вот именно только „анекдота“, душа не поднимается!.. И это до того узко и, наконец, страшно, страшно именно в гении и корифее литературы, что растериваешься, ум сжимается недоумением и начинает негодовать» (Розанов В. В. Величайший мастер слова // Розанов В. В. Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. Т. 4: О писательстве и писателях. С. 226).

12

Э. Ф. Голлербах — А. А. Измайлову

Хотим мы созидать и — разрушать
 Все сызнава начнем, сначала:
 Ужели погибать и воскресать
 Душа упрямая устала?

(З. Гуннуце)¹

То, что Вы говорите о современной поэзии, Александр Алексеевич, признаться, огорчило меня. Разве нет в ней таких выкованных, отчеканенных строк, которые «вечнее», нетленнее, *нужнее* многих фолиантов прозы. Разве нет таких стихов, взвешивая которые, Муза, соблюдая правду, убеждается, что они «томов премногих тяжелей»?..²

В последнее время я часто перелистывал (как-то случайно) «Сети» Кузмина. Перечитывая его пьесы, я чувствую так ясно, что не будь их, было бы в нашей поэзии большое «пустое место».

Но еще значительнее (меня опьяняют и взвинчивают наркотически) некоторые строки, именно *строки* Блока, Гумилева, Анненского. Вы писали не раз о Блоке, но вот не помню, писали ли Вы о двух других. Сколько трепета, сколько сгущенности духа есть в некоторых вещах этих поэтов. И еще поставлю на высокий пьедестал Гиппиус и Белого.

Что проза! Чего стоит леденящая, мертвящая беллетристика Лазаревских, Дымовых, Муйжелей, Олигеров, Слезкиных, Ауслендеров, Будищевых, Чириковых... Уже не говорю о доцветающих, догорающих Потапенках, Баранцевичах, Ясинских.

Ведь это же тоска непроходимая. Это теперешнее молоко — водянистое, безвкусное, тошнотворное. Да и его почти нет. Ведь литературы сейчас *нет* (вымерла или притаилась?). Единственно, что еще уцелело хоть частично -стихи. Это характерно и знаменательно. «Вожатый» Кузмина, «Костер» Гумилева.³ Есть еще порох в пороховницах. Не все, конечно, хорошо и гладко в этих стихах, но по сравнению с прозой, это — чудесное «сгущенное молоко». Согласитесь ли Вы с тем, что рассказы, напр(имер), Гиппиус или Кузмина всегда были из рук вон слабы, унылы, надуманны, вялы. Это потому, что весь «заряд» своего дарования они тратили (и слава Богу) на изготовление «сгущенного молока».

Однако ловлю себя на том, что забыли отделить, обособить, окружить фимиамом почтения прозу Андреева, Куприна, Мережковского, Вашу, Бориса Зайцева. *Это*, конечно, большое мастерство и «стихотворству» не только не уступит, но и забьет, заглушит.

Простите, что я так развязно жестикулирую в той области, в которой опыт дает «книги в руки» Вам, а не мне. Но знаете, я убежден, что если бы Ваш (*ваш*) Чехов писал стихи, то у нас не было бы теперь большевизма. Подумайте, что я под этим подразумеваю.

В № 9-ом «Вестника литературы» появился почти ругательный отзыв Мазуркевича о моих стихах.⁴ Вначале это раздосадовало меня, но потом я утешился тем, что ведь мерка Мазуркевича — это масштаб «воробьиного носа» («Дышала ночь восторгом сладострастья»... тоже воробьиного) и я осмеливаюсь отнести к себе слова его романса — «Я не для Вас, а Вы не для меня».⁵

Прочтя на Вашем конверте титул «Всероссийский совет снабжения железнодорожников», я искренно порадовался за Вас, полагая, что это место Вашей тепереш-

ней службы: счастливые железнодорожники, как известно, избавлены от общей необходимости голодать. Я в последнее время так ощутительно воспринял дыхание Царя-Голода, что, кажется, готов был бы бросить свое эстетичное, но голодное музейное дело не только ради железнодорожничества, но и ради красноармейства. Но возможностей таких не имею, и к тому же ни на что не годен, никаких не имею достоинств. Мне совершенно не знакомы столь полезные вещи, как счетоводство, бухгалтерия, пишущая машинка и пр.

...Вообще — голодание, и даже не столько голодание, сколько постоянное ожидание тупика, обрыва, провала, на дне которого — голодная смерть, — это целая проблема, над которой я прежде не думал, но в которой есть грозные испытания и любопытные неожиданности. Я думаю, Земля только потому так уверенно мчится по своей орбите, что она *сыта* (как Планета, как Существо), не знаю, чем — той ли пламенеющей кашей, что таится в ее недрах, или той аппетитной, поджаренной коркой, которой она покрыта на поверхности. — Я вовсе не посягаю на острословие.

Хотел бы знать, что (о чем) Вы пишете в последнее время и чаете ли воскресение мертвых. Боже, неужели не дождемся настоящих книг, журналов, газет!?. Когда же кончится летаргический сон великой, любимой, родной нашей литературы!..

Тоска. Все застилается снегом, стынет, леденеет. Хорошо говорить и думать о «сладких тайнах холода»,⁶ созерцая эти мертвые снежные оковы из окна жарко протопленной комнаты. Но топливо надежд, дрова упований совсем на исходе, осталось всего несколько щепок...

Умер Л. Андреев — как незаметно, под скверный шумок повседневной бестолочи, прошла эта смерть.⁷ Какой сильный, славный художник ушел от нас.

Ставлю точку, говорю Вам «до свидания». Досадно, что расстояние и дорожная разруха (всего четыре поезда, трамваи до шести) лишают меня удовольствия увидеть Вас у себя или приехать к Вам. Но я был недавно у Сперанского с ночевкой, — если соберусь к нему опять с ночевкой, зайду к Вам, с Вашего разрешения, предупредив о том заранее открыткой.

От души желаю Вам всего доброго, если не превосходного, то хотя бы выносимого (в наши дни поистине невыносимых событий).

Ваш Э. Голлербах

15 ноября 1919 г.

¹ Из стихотворения З. Н. Гиппиус «Сызнова» («Хотим мы созидать — и разрушать...», 1907).

² Из стихотворения А. А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева» («Вот наш патент на благородство...», 1883).

³ Подразумеваются сборники стихотворений, вышедшие в 1918 году: *Кузмин М. Вожакий*. Пг., 1918; *Гумилев Н. С. Костер*. Пг., 1918.

⁴ Мазуркевич Владимир Александрович (1871—1942) — поэт, прозаик, драматург. Имеется в виду рецензия: *М-ч. В.* [Мазуркевич В. А.] Э. Голлербах. «Чары и таинства», тетрадь посвящений. Петербург 1919 г. // *Вестник литературы*. 1919. № 11. С. 13.

⁵ Речь идет о романсе В. А. Мазуркевича «Письмо (Монолог)» («Дышала ночь восторгом сладострастья...», 1900).

⁶ Из стихотворения А. А. Блока «По улицам метель метет...» (1907).

⁷ Леонид Андреев скоропостижно скончался 12 сентября 1919 года от порока сердца. Был похоронен у поселка Ваммельсу (в 1956 году перезахоронен в Ленинграде на Литераторских мостках Волкова кладбища).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Э. Ф. Голлербах

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЛИТЕРАТОРАМ
К ПОЛУГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ В. В. РОЗАНОВА
(5 ФЕВРАЛЯ 1919)**

Смиритесь, русские писатели, задавите в себе «литераторов» и все «литературное» — мелкое тщеславие, честолюбие, стремление возвести свое писательское «я» в единственную, незабываемую ценность. Каждый из вас по-своему хорош, нужен, интересен, но поверьте одному, поймите одно: Василий Васильевич Розанов был первым *мировым* мыслителем, безумно-гениальным, гениально-неповторимым, неповторимо-великим! Создадим же ему вечную память. Будем изучать его произведения до последнего слова (многие и многие их не знают), будем распространять его мысли и раскрывать скрытое значение его слов. Заклеймим жалостью уличных зубоскалов, насмешливых глупцов, пошлых завистников, целые десятилетия лаявших на Розанова и до сих пор произносящих его имя с наглой и тупой улыбкой.

Розанов был пророком. Розанов был титаном, провидцем, *святым*. Он был святым, потому что гениальность и есть святость. У него было много недостатков, многое было в нем уродливо, но это несколько не опровергает его святости: «не-что» (в «ничтожестве»), чтобы сознать себя; самосознание становится сильнее всего после вины; Грааль и Копье родственны.

«Свет из тьмы! Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их...»
(Вл. С.)¹

Розанов был нужен, как нужен был Христос, но «по-другому», «по-современному». Он не был вторым Христом, но не был и Антихристом, он был «Анти-антихрист». В наш век псевдорелигиозности и псевдокультуры он был воплощенным Ренессансом истинной религии и культуры.

Будем любить Достоевского, Толстого, Вл. Соловьева, но еще больше полюбим (когда до конца *узнают*) Розанова. При всей своей слабости, он был *сильнее* их; при всей своей порочности — непорочнее, светлее, чище. Умирая, он благословил нас, литераторов, завещал забыть вражду и разделение, всех простил и у всех просил прощения. Благословим же и мы его великою любовью, великим сочувствием, великим пониманием. Будем славить его имя, невзирая ни на какие осуждения справа ли, слева, сверху или снизу. Необходимо воссоздать Петербургское Религиозно-философское Общество, несколько лет тому назад прекратившее свою деятельность и назвать его «Религиозно-философским Обществом имени В. В. Розанова». ² При нем должен возникнуть особый семинарий по изучению жизни и творчества Розанова.

Это будет лучшим памятником покойному великому мыслителю.

¹ Цитируется стихотворение Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой недаром» (1892).

² Религиозно-философское общество было основано в Петербурге в 1907 году, прекратило свое существование в 1917 году.